

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЬСТВА В КИТАЕ

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

Первые российские консульства в Западном Китае были учреждены в 1851 г. Российские представители И. Захаров и А. Татаринов прибыли в Кульджу и Чугучак в начале 1852 г. Многочисленные инструкции российского МИДа и отчёты консулов в Азиатский департамент Министерства содержат интереснейший материал о первых дипломатических контактах между Россией и Китаем. До сегодняшнего дня документы из Архива внешней политики Российской империи при МИД России (АВПРИ) не были использованы отечественными историками, обычно лишь упоминавшими тот факт, что по Кульджинскому русско-китайскому трактату 1851 г. в города Или (Кульджа) и Тарбагатай (Чугучак) назначались представители России, которые должны были следить за ходом русско-китайской торговли. Деятельность первых российских консулов по устройству российских факторий на территории Синьцзяна, взаимоотношения с местными китайскими властями и торговцами, ход меновой торговли и основные предметы обмена – всё это раскрывают документы АВПРИ.

Установление консульских постов сыграло огромную роль в дальнейшем развитии дипломатических отношений между двумя империями. Уже в 1861 г. в Китай был назначен первый российский дипломатический представитель, а чуть раньше, в 1858 г., для русской торговли были открыты семь китайских морских портов. Консульские посты в Или и Тарбагатае стали первыми дипломатическими представительствами иностранных держав в Цинской империи. Политика изоляционизма, которой в продолжение веков придерживались китайские власти, была преодолена, и начали складываться полноценные дипломатические отношения с внешним миром.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, православная духовная миссия в Пекине, российский МИД, консульская служба.

УДК 327

Поступила в редакцию 09.05.2018 г.

Принята к публикации 01.06.2018 г.

С древнейших времён в основе политической культуры Китая лежали китаецентристские представления об окружающем мире и конфуцианские принципы политической иерархии. Это вело к тому, что культура Китая исключала равенство в отношениях с другими странами. Чужеземцев именовали «варварами четырёх сторон света» [7, с. 109]. Для взаимодействия с ними было учреждено специальное «Ведомство по управлению вассалами» (Ли-фаньюань), в чью компетенцию входили и взаимоотношения с Россией. В первые годы XIX в. высшие цинские чиновники из Ургы писали о русских: «... это некий бедный народ, мелочный по своей натуре, низшие и высшие классы которого совершенно не знают законов. Мало кто в их государстве умеет ездить верхом. Мужчины не знакомы с луком и стрелами, а стреляют из ружей, и обрабатывают поля они хуже, чем китайцы» [9, с. 226]. Различие в приоритетах внешней политики двух соседних государств заключалось в том, что Китай во главу угла ставил политические интересы, рассматривая соседей как «варваров» и своих вассалов, а Россия стремилась установить прочные экономические отношения, которые в будущем обещали рост политического влияния. Это была обычная практика международных отношений – укрепление политических позиций через расширение экономических связей.

Изоляционизм, составлявший основу внешней политики Цинской империи, привёл к отрыву Китая от международного общения. Известно, что китайские власти противились установлению полноценных дипломатических отношений с иностранными державами, считая окружающие народы «варварами». Российского посольства, в привычном понимании этого слова, в Китае не существовало. Его роль в определённой степени выполняла Русская духовная миссия в Пекине, за которой китайские власти признавали некоторые права дипломатического представительства России. Никаких иностранных посольств, кроме русской миссии, в Пекине не было. К. Маркс в 1857 г. писал: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время, как англичане лишены привилегии непосредственных связей даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине» [12, с. 57].

Духовная миссия была учреждена указом Петра I от 18 июня 1700 г. С 1715 по 1914 г. миссия состояла в ведении Святейшего Синода; начиная с 1745 г. она была временно передана под управление Коллегии иностранных дел, а затем – Азиатского департамента [3, с. 151]. В те годы она приобрела статус дипломатического представительства, а с появлением в 1861 г. постоянного посольства России в Китае миссия вновь перешла в ведомство Святейшего синода. (В Синод миссия вернулась после установления дипломатических отношений). Директор Азиатского департамента МИД К.К. Радофиникин писал 14 апреля 1833 г.: «Главная и постоянная цель российского министерства в отношении к Китаю есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и укреплении дружественных с Китаем связей как с государством, с коим мы граничим на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии

торговых наших с китайцами сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод» [13, с. 138]. Китайцы считали торговлю «низменным» занятием, но цинское правительство умело пользовалось заинтересованностью русской стороны в налаживании торгово-экономических связей.

Обычно миссию возглавлял архимандрит. Она включала в себя 10 человек, причём половину из них составляли светские люди. Представители Азиатского департамента, присутствовавшие в миссии, назывались приставами. В 1820–1821 гг. приставом служил Е.Ф. Тимковский, позже управляющий Санкт-Петербургским главным архивом, а в конце 1840-х гг. приставом духовной миссии был назначен Е.П. Ковалевский – будущий директор Азиатского департамента. И Тимковский, и Ковалевский оставили научные труды о путешествии в Китай, которые с интересом были встречены в русском образованном обществе [6, с. 335].

Самым известным руководителем Духовной миссии был Никита Яковлевич Бичурин, принявший в монашестве имя о. Иакинф. Бичурин возглавил девятую миссию в Пекин, прожил там 13 лет. Автор более 70 работ о политике, географии, экономике и культуре Китая, первый составитель русско-китайского словаря и энциклопедического труда «Статистическое описание китайской империи», он по праву считается основателем китаеведения в России [8, с. 1099]. В 1830 г., будучи признанным авторитетом в области китаеведения, о. Иакинф сопровождал высокого чиновника МИДа П.Л. Шиллинга фон Канштадта в его путешествии в Кяхту и стал одним из основателей там училища китайского языка. Переписка Бичурина с российским МИДом по делам духовной миссии содержит много предложений по усовершенствованию деятельности миссии и откровенно говорит о существующих недостатках. Так, о. Иакинф сетовал на то, что в состав миссии зачастую входят люди малообразованные, неспособные принести пользу отечеству¹. Находиться в обстановке чуждой культуры и без определённых занятий на протяжении длительного времени – а каждая миссия пребывала в Китае не менее 10 лет – было задачей достаточно сложной. Увлечённый научной работой, о. Иакинф ощущал это в меньшей степени, но и он сознавался, что мирится со своим положением «единственно для Отечества»².

С 1821 по 1830 гг. в Китае пребывала десятая миссия во главе с архимандритом Петром (в миру П.И. Каменским), до 1839 г. – 11-я миссия во главе с архимандритом Вениамином (Морачевичем). Как правило, штат миссии был невелик: одновременно с Морачевичем в Китае находились магистр богословия Аввакум Честнов, иеромонах Феофилат (Киселевский), иеродиакон Поликарп Тугаринов, псаломщик Г. Розов, лекарь П.Е. Кирилов, студенты А. Кованько, А. Легашев и Е. Сычевский³. В инструкциях Морачевичу говорилось: «Духовная Пекинская миссия досель имела для нас некоторую значительность в отношении учёном,

¹ АВПРИ. Ф. ГА IV-4. Оп. 123. Д. 1 (1810–1823). Л. 130. О. Иакинф иркутскому губернатору.

² Там же. Л. 99.

³ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 713. Д. 230 (Б/д). Л. 41.

как доставляющая разные полезные сведения о стране поистине примечательной. Ныне же Пекинская миссия становится важною как могущая содействовать политическим и торговым видам нашего правительства». Обширные задачи этой миссии были сформулированы в секретных инструкциях МИДа: во-первых, глава миссии должен был начать переговоры с китайской стороной об открытии ещё одного (в дополнение к Кяхте) пункта меновой торговли возле Бухтарминской крепости, а также о возможности плавания по Амуру для подвоза товаров в «североамериканские наши селения» и на Камчатку. Вести переговоры по этому вопросу должен был Ю.А. Головкин, возглавивший русское посольство в Китай в 1805 г. До Пекина Головкин не доехал, поскольку китайская сторона отказалась принять многочисленное российское посольство, и переговоры не состоялись. А право плавания по Амуру Россия получила лишь по Айгунскому договору 1858 г. [11, с. 29].

12-я миссия отправилась в Китай в 1839 г. Она должна была «по возможности» способствовать налаживанию политических связей двух государств. В составе миссии числились астроном, лекарь, художник, ибо «через них упрочиваются и распространяются связи с нужными для нас лицами»⁴. Инструкции МИДа 1840 г. гласили: «Торговля с Китаем составляет важнейший предмет и можно сказать главную цель наших политических действий в отношении к сему государству» [13, с. 138]. Несмотря на усилия российских властей, официальные дипломатические отношения с Китаем долго не складывались. Ещё при отправке в Пекин девятой духовной миссии о. Иакинф получил из Петербурга предписание добиваться отправки из Китая в Россию дипломатического посольства⁵. При этом российские власти интересовались вопросом о внешних связях Китая: о. Иакинф должен был докладывать, как обстоят дела с англо-китайской торговлей и насколько Цинское правительство расположено к англичанам. Известно, что английская торговля в Китае развивалась активно, и английские суда имели доступ в пять китайских портов. Большую часть английского ввоза составлял опиум, что и привело вскоре к началу опиумных войн, по результатам которых были подписаны первые неравноправные торговые договоры, позволившие расширить торговые отношения Англии с Цинской империей и наводнить её рынок дешёвыми товарами [2, с. 65]. Позже, когда первые российские консулы прибыли в Китай, они доносили в Азиатский департамент МИДа о том, что англичане снабжали бухарского хана Эмир-Музаффар-Бигадура ружьями, пушками и деньгами, а также предлагали ему совместные военные действия против России. Но хотя бухарский хан был недружественно настроен к российским властям, он не только не согласился на сотрудничество с англичанами, но и приказал казнить английского посланца⁶. Не оказал англичанам помощи против России и хан Коканда.

⁴ Там же. Д. 6 (1839). Л. 306–307.

⁵ Там же. Ф. ГА IV-4. Оп. 123. Д. 1 (1810–1823). Л. 76.

⁶ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 123. А. Татаринов в Азиатский департамент МИД. 7 августа 1854 г.

Сближение владений России с владениями Цинской империи диктовало необходимость нормализации политических и торговых связей двух стран. Ещё до утверждения первых дипломатических представительств в МИДе активно обсуждалась необходимость устроить в Китае дипломатические посты для поддержки взаимной торговли. В 1844 г. начальнику Сибирского таможенного округа было поручено собрать сведения об установлении пути от Чугучака до Кульджи и об основных товарах будущей торговли с Китаем. Одновременно директору Кяхтинской таможни поручалось разведать (в секретном режиме) о дорогах в западной части Китая, а начальнику Пекинской миссии – сообщить о возможности налаживания торговых связей⁷. В мае 1844 г. в МИД поступил доклад из Оренбурга о продолжении в Киргизской степи топографических работ. К докладу была приложена карта, на которой были помечены уже готовые съёмки и планы по завершению картографического описания. На лето того года была запланирована «полуинструментальная съёмка» двумя партиями топографов «под прикрытием» 80 казаков каждая⁸. На карте была изображена обширная территория казахской степи от Оренбурга до Каспийского и Аральского морей, включая хивинское укрепление Биш-кала и кокандское укрепление Кош-курган вплоть до течения р. Сырдарья. Эти территории граничили с областями Западного Китая, представлявшими особый интерес для российских властей.

В 1845–1846 гг. в Западном Китае под видом купца побывал будущий директор Азиатского департамента МИДа Н.И. Любимов, который сделал вывод о том, что торговля с этой провинцией имеет структуру, отличную от Кяхтинского рынка, и существенно дополняет её. Обращение Любимова к российскому императору по открытию торговли с Западным Китаем было поддержано Николаем I. Главе очередной Пекинской духовной миссии архимандриту Поликарпу (в миру П.А. Тугаринов) и приставу миссии Е.П. Ковалевскому было поручено добиваться открытия для России рынков Синьцзяна и Восточного Туркестана. 5 июля 1847 г. архимандрит направил в Трибунал внешних сношений Китая прошение, в котором указывал на неудобство русско-китайской торговли исключительно через Кяхту. Кяхта и китайский Маймачин были единственными пунктами обмена русских и китайских товаров. Из Кяхты товары везли на Макарьевскую и Нижегородскую ярмарки. Россия поставляла в Китай меха, но их доля последовательно уменьшалась, а возрастала доля промышленных изделий. 90% российского импорта приходилось на чай; по объёму ввоза чая Россия уступала только Англии и США [13, с. 136].

Цинское правительство отказалось от русских предложений, сославшись на противоречие подобной просьбы с имеющимися в стране законами [4, с. 266]. Лишь в мае 1850 г. китайский император Даогуан поручил наместнику в Синьцзяне И Шаню вступить в переговоры с российскими представителями – Е.П. Ковалевским и А.Е. Влангали – для определения мест торговли на границе

⁷ АВПРИ. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 1055 (1843). Л. 2 с об. Вронченко К.В. Нессельроде. 3 мая 1844 г.

⁸ Там же. Ф. СПб ГА III-3. Оп 98. Д. 10 (18440). Л. 1.

китайских округов Или и Тарбагатай. Российская сторона предлагала открыть торговлю в Кульдже, Чагучаке и Кашгаре. Переговоры шли с трудом: илийский наместник И Шань и тарбагатайский военный начальник Бу Янтай предложили новый текст договора, в котором выдвигали претензии на Семиречье. Цинские власти боялись утратить влияние над проживавшими там народами Джунгарии и Восточного Туркестана – уйгурцами, казахами, киргизами. Кульджа и Чугучак, ранее входившие в Джунгарское ханство, были завоеваны Китаем в XVIII в. и включены в состав Синьцзяна. Посредниками в российско-китайской торговле стали казахские и киргизские владельцы и султаны. Маньчжуро-китайские чиновники пользовались полуправильным статусом этой торговли для личного обогащения, обирали купцов и грабили караваны [1, с. 151]. Наконец, в феврале 1851 г. был получен ответ Трибунала внешних сношений о согласии решить вопрос о торговле России с западным Китаем.

25 июля 1851 г. был заключён Кульджинский договор. Статья 2 договора гласила: «Для наблюдения за делами русских подданных определяется со стороны России консул ... споры и ссоры между подданными обеих сторон решают с должным вниманием русский консул и ... китайский чиновник» [11, с. 27]. Статья 3 посвящалась торговым отношениям двух стран: «Торговля сия открывается ради взаимной дружбы двух держав, а потому с обеих сторон пошлины не брать никакой» [11, с. 26]. Торговля объявлялась меновой, цены устанавливались свободно, торговля должна была вестись только на китайской стороне (в отличие от Кяхты, где вторым пунктом обмена был китайский Маймачин в 100 км от Кяхты). Наблюдение за делами русских подданных возлагалось на российских консулов, а китайские купцы находились в подчинении чиновника Илийского управления. Торговля признавалась возможной в период с 25 марта по 10 декабря каждого года, движение караванов происходило под охраной китайцев [12, с. 58].

Согласно Кульджинскому торговому договору 1851 г., в Китае утверждались два российских консульства: в Чагучаке (Тарбагатай) и Кульдже (Или). Они должны были выполнять функции торговых представительств, консулы имели право разбирать судебные споры и защищать права российских подданных, ведших торговлю с Китаем. Все споры между российскими и китайскими подданными разбирались совместно консулом и китайским чиновником. Первыми консулами России в Китае стали коллежские асессоры Александр Татаринов – в Чагучаке, и Иван Захаров – в Кульдже⁹. Татаринов ранее служил медиком при Пекинской духовной миссии, что было признано весьма полезным при назначении его в Чагучак. «Через практику свою в Чагучаке он может войти в ближайшие связи с местными китайскими властями и тем самым приносить более пользы», – говорилось в Инструкциях барону Врангелю¹⁰. Оба консула в прошлом (1840–1850) состояли в Пекинской духовной миссии, знали китайский язык.

⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА. IV-2. Оп. 119. Д. 4 (1851). Л. 11 об.

¹⁰ Там же. Л. 105. Проект инструкций майору барону Врангелю. 23 февраля 1852 г.

По возвращении в Петербург Тататинов и Захаров были приняты на службу в Азиатский департамент МИДа, награждены орденами Св. Владимира 4-й степени и рекомендованы на посты консулов в Западном Китае¹¹.

На обустройство консульских домов и факторий выделялась сумма в 28 тыс. руб. серебром в серебряных слитках «той формы и пробы, какие изготавливаются для Пекинской духовной миссии»: денежные расчёты в Китае издревле велись не монетой, а серебряными слитками разного веса – ланами. Слитки на обустройство факторий были отлиты в Петербурге и имели вес в 1 фунт, полфунта, одну четверть и одну восьмую фунта – всего 941 слиток. Первое время с торговыми расчётами не всё шло гладко. Татаринов докладывал в МИД: «Наше серебро сначала китайцы совсем не брали; теперь же, когда достоинство его испытали они известными им способами, дают за него слишком дёшево сравнительно с променом, существующим в Пекине»¹².

Перед въездом в пределы Цинской империи Татаринов направил чиновнику Чугучака специальное обращение, в котором говорилось: «Вследствие заключённого в прошлом году в г. Или торгового трактата, назначен я консулом в г. Тарбагатай для наблюдения за делами русских подданных во исполнение 2-й статьи трактата ... покорнейше прошу сделать распоряжение о пропуске меня в пределы Китая со всеми находящимися при моём караване людьми. Коих числом 13 человек, а именно: секретарь, четверо казаков и восемь служителей»¹³. При официальном представлении амбаню, которое происходило «при собрании местных военных и гражданских чинов, от ворот крепости до самого присутственного места по сторонам дороги стояли солдаты разных знамён; перед самым представлением палили из пушек, играла музыка»¹⁴. Общение с высшим китайским начальством поначалу было сложным. Сказывался известный «принцип нетерпимости иностранцев», по словам генерал-губернатора Западной Сибири. Ходили слухи о том, что китайское начальство «раскаивается даже в заключении трактата и не намерено строго следовать его положениям». Вскоре после прибытия в Чугучак Татаринов писал: «При встрече китайское начальство всеми мерами хотело выдержать обычный свой тон, старалось в самых мелочных приёмах выказать преимущество своей нации и только после продолжительных доказательств с моей стороны, что в сношениях между дружественными, равными государствами должны быть соблюдаемы и равные приличия, все требования китайцев ограничились обыкновенными вежливостями»¹⁵. Немного позже он продолжил тему различия двух культур: «Слова: дружба, согласие – слушаются и выговариваются ими (китайцами – Е.К.) равнодушно, без полного сознания пользы и интереса, какие заключаются в оных для их Отечества!»¹⁶.

¹¹ Там же. IV-1. Оп.117. Д. 11. Л. 4, 10. А.Я. Дашков К.В. Нессельроде. 1 января 1851 г.

¹² Там же. IV-2. Оп 119. Д. 6. Л. 16 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 9 июня 1852 г.

¹³ Там же. Л. 6. А.Татаринов Тарбагатайскому Хэ-бэй Амбаню. 6 мая 1852 г.

¹⁴ Там же. Л. 8 об. А Татаринов в Азиатский департамент. 22 мая 1852 г.

¹⁵ Там же. Л.45. А.Татаринов в Азиатский департамент. 2 апреля 1853 г.

¹⁶ Там же. Л. 45.

Консулам полагалось годовое жалование в 2500 руб. серебром, а их секретарям и переводчикам – по 500 руб. Секретарями консулов были назначены чиновники из пограничного управления сибирскими киргизами: в Кульджу – переводчик И. Безверхов, а в Чугучак – М. Вардугин¹⁷. Каждому консульству полагалась охрана из двух урядников и двух казаков Сибирского линейного казачьего войска. Ещё 10 казаков назначались для сопровождения прибывшего позже майора Врангеля. Отъезжавшим были выделены подъёмные, прогонные и столовые деньги в сумме 7840 руб. серебром. Кроме того, был утверждён список вещей для подарков китайским чиновникам: стеклянная посуда, зеркала, черепаховые гребни, часы с компасом, подзорная труба, подстаканники, портфели, соболя, а также карандаши, мыло и перчатки. На их покупку было выделено 600 руб. серебром¹⁸.

5 февраля 1852 г. в Петербурге были приняты «Правила для торговли с западным Китаем», согласно которым в Кульджу и Чугучак для совершения торговых сделок допускались российские купцы первой, второй и третьей гильдий¹⁹. Начальник каждого купеческого каравана был обязан иметь выдаваемый правительством «билет» на торговлю, без которого караван в Китай не допускался. Билеты выдавались на таможнях – Семипалатинской, Петропавловской, Троицкой и Усть-Каменогорской. Из России в Китай везли железо и кожи, а в обратном направлении – байховый и кирпичный чай, шёлк и ревень. Особенно ценился доставляемый из Кяхты копытчатый ревень, тогда как ревень и мускус из Западного Китая считались не столь ценными. Большие убытки российская торговля несла от контрабандной торговли золотом – в Китай свозилось золото с приисков, не контролируемых Горным ведомством. Учреждение торговых факторий должно было способствовать прекращению контрабанды и упорядочению русско-китайской торговли. Кроме того, до приезда российского консула в Кульдже процветала торговля опиумом; обычным делом были злоупотребления местных караван-баши, перекупавших баранов у киргизов за фиксированную низкую цену²⁰. «Правила для торговли с западным Китаем» включали список товаров, запрещённых к вывозу в Западный Китай, в т.ч. золото и серебро (также в монетах), огнестрельное оружие и порох, опий, российские кредитные билеты.

С началом регулярной торговли возникли и определённые трудности. В 1854 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт сообщал в Азиатский департамент МИДа о недовольстве китайцев качеством некоторых российских товаров. По мнению Гасфорта, следовало бы сделать внушения некоторым московским фабрикантам «о более добросовестном изготовлении требуемых в Китае мануфактурных изделий»²¹. Известно, что для обмена в Кяхте московские

¹⁷ Там же. IV-1. Оп.117. Д.3. Л. 1 об. Г. Гасфорт Л.Н. Сенявину. 13 апреля 1852 г.

¹⁸ Там же. СПб ГА. Оп. 119. Д. 5. Л. 142, 145.

¹⁹ Там же. Л.15.

²⁰ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 1078. Л. 7. Рапорт консула Захарова генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту. 26 августа 1853 г.

²¹ Там же. Л.1 об. Г. Гасфорт Л.Г. Сенявину. 3 июля 1854 г.

фабрики производили сукна – коленкор, плис, юфть, а также «вещи медные и железные». Со временем положение не менялось – согласно регулярным отчётам консулов МИДу, торговля скотом успешна, но «русские мануфактурные произведения идут плохо»²².

Прибывший в Китай майор барон Врангель имел предписание МИДа приступить к постройке зданий консульств и всего необходимого для факторий. В Инструкциях, которыми был снабжён Врангель, говорилось, что фактории следует устроить «удобно и прочно», но «без всякой роскоши» и «без лишних издержек»²³. Примечательно, что посланный МИДом Врангель негласно имел старшинство перед назначенными консулами, которым предписывалось по всем вопросам советоваться с майором, но перед китайцами выступать от своего имени. Приступая к постройке факторий, Захаров и Татаринов обнаружили, что китайцы выделили для них участки, хорошо просматриваемые от китайской таможни. Российские представители возразили и выбрали места на возвышенности, имевшие свои преимущества.

Александр Татаринов, прибыв в Чугучак, первое время вынужден был жить в юрте, поставив перед ней на флагштоке российский консульский флаг. Территория для фактории была выбрана на берегу р. Карасу, недалеко от города. Все русские купцы поселились на территории фактории, которая сначала была обнесена земляной стеной и рвом, а затем начала обустриваться изнутри. В первую очередь были построены казарма в две комнаты с кухней, баня, погреб и колодец. Все постройки шли неспешно и стоили дорого из-за нехватки леса для зданий. Уже в 1853 г. Татаринов писал в Азиатский департамент о готовности построек: «Архитектура всех зданий имеет сходство с китайскою, от которой отличается расположением и формою окон и дверей, подобно как в зданиях Духовной миссии в Пекине. Полы в каждом здании и помосты под навесами выстланы кирпичом»²⁴. Всего на обустройство фактории в Чугучаке было израсходовано 13 286 руб.

Помимо негласного руководства консулами Врангель должен был «собирать всякие полезные сведения ... по разным предметам торговли», но делать это «с крайней осторожностью и осмотрительностью, дабы ... не возбудить ничем подозрений местных китайских властей». Впрочем, местное руководство встретило российских представителей весьма дружелюбно и направило своим торговцам строгие указания торговать с русскими «без всякого малейшего обмана» и по ценам, существовавшим в то время в Китае²⁵. «Китайские купцы охотно посещают наших купцов; равным образом наши свободно ходят в город, – докладывал Татаринов, – китайский народ смотрит на русских без предубеждения и в обращении своём сказывает ласковость и готовность»²⁶. Уже к ноябрю 1852 г.

²² Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 25 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 24 сентября 1852 г.

²³ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 45 об.

²⁴ Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 86 об. А. Татаринов в Азиатский департамент. 11 ноября 1853 г.

²⁵ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 125 об. «Постановление из Дайцинского государства из Илийского главного управления».

²⁶ Там же. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 6. Л. 19.

задание по постройке факторий было выполнено, и барон Врангель выехал обратно в столицу²⁷. В первом из годовых отчётов за 1852 г. консул Захаров подробно описывал устройство подведомственного ему учреждения. Отношения с местными чиновниками хорошие, писал Захаров, больших торговых оборотов нет, только мелкие сделки; поведение консульского состава – секретаря Безверхова и казачьей команды – отличное²⁸. Каждую факторию охраняли четыре казака Сибирского казачьего войска, которые менялись каждые два года. Постепенно территории факторий обустроивались. На общем плане фактории в Кульдже сразу было выделено место для православного храма, а к 1875 г. в Чугучаке была построена православная церковь [10, с. 56].

Особое внимание российский МИД уделял ведению переписки с открывшимися консульствами. Гасфорт писал директору Азиатского департамента, что доставку писем в Кульджу и Чугучак нельзя доверять китайским посыльным. Его поддержал и майор Врангель: в своём донесении в Азиатский департамент сразу по прибытии в Китай он предлагал учредить казачью почту на двух российских постах – в Аягузе и на Копале²⁹. В этих двух пунктах предполагалось содержать по четыре пары лошадей и через каждые две недели отправлять почту с урядником и казаком. Из Аягуза почта должна была идти в Чугучак, а из Копалы – в Кульджу; ответы следовало отправлять с теми же посыльными. На устройство двух почт было израсходовано 1110 руб.

Заключение Кульджинского договора и учреждение консульств в Кульдже и Чугучаке открыло Синьцзян для русской торговли, что способствовало расширению военно-политического влияния России в Средней Азии. После заключения договора русско-китайская торговля в ближайшие три года выросла в четыре раза, но значение договора превосходит этот выдающийся коммерческий результат. Прежде всего, произошёл прорыв в установлении политических контактов с Цинской империей, предоставившей России благоприятные условия для дальнейшего двустороннего развития связей. Позже, по Тяньцзинскому договору 1858 г. Россия получила право иметь своего дипломатического агента в Пекине, а также назначать консулов в семь китайских портов, открытых для русской торговли [5, с. 38]. Сверх того, взаимоотношения Цинского правительства с Россией были переданы из ведомства Лифаньюань в Трибунал внешних сношений, что свидетельствовало о повышении уровня русско-китайских отношений в целом [11, с. 31].

Список литературы:

1. Антонов Н. К истории заключения русско-китайского договора 1851 г. в Кульдже // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 148-165.
2. Бугрова М.С. «Открытие» Китая и британ-

²⁷ Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 710/1. Д. 4. Л. 167.

²⁸ Там же. Л. 129. Отчёт за 1852 г. 5 января 1853 г.

²⁹ АВПРИ. Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 7. Л. 1. Рапорт майора барона Врангеля в Азиатский департамент. 13 апреля 1852 г.

- ская «неофициальная» дипломатия во второй половине XIX века // V Пять веков мировой истории. Вып. 1. СПб.: Геликон Плюс, 2007. С. 65–72.
3. Горбачёва К.А. Российская православная духовная миссия в Китае в 1820–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 147–161.
 4. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 311 с.
 5. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб.: типография И. Габрмана, 1881. 50 с.
 6. Кудрявцева Е.П., Пономарёв В.Н. Дипломатия и МИД России во второй четверти XIX в. // Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. I. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 290–351.
 7. Мясников В.С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М.: ИНИОН РАН, 1993. 228 с. С. 106–107.
 8. Мясников В.С., Попова И.Ф. Вклад о. Иакина в мировую синологию // Вестник Российской академии наук. 2002. № 12. С. 1099–1105.
 9. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизация и культура. Вып. 2. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М.: Институт востоковедения АН РФ, 1995. С. 215–233.
 10. Пескова Г.Н., Глушакова О.А. Архив внешней политики Российской империи // Православие и российское государство X–XX века. Каталог историко-документальной выставки. М.: Пинакотека, 2000. С. 55–57.
 11. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 142 с.
 12. Сладковский М.И. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX в. // Новая и новейшая история. 1975. № 3. С. 55–64.
 13. Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля и её место в политике России и Китая (20-е годы XVIII–50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99–148.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – д.и.н., ведущий научный сотрудник центра внешней политики России Института российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru.

ESTABLISHMENT OF THE FIRST RUSSIAN CONSULATES IN CHINA IN 1851–1852

E.P. Koudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-3-60-59-71

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences

The First Russian consulates in Western China were established in 1851. Russian representatives I. Zakharov and A. Tatarinov arrived in Kulja and Chuguchak in early 1852. Numerous reports of the Russian consuls to the Asian Department of the Russian Ministry of Foreign Affairs contain highly interesting material concerning the first diplomatic contacts between Russia and China. None of the documents from the Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs were used by national historians, they only mentioned the fact, that according to the Treaty of Kulja Chinese cities Yili and Tarbagatai hosted Russian representatives that looked after trade. Documents from the Archive of the Russian Ministry of Foreign Affairs

reveal how the first Russian consuls arranged Russian factories in Xinjiang, how they interacted with local authorities and traders, course of barter. Establishment of the first Russian consulates was essential for the further development of diplomatic relations: in 1858 China opened 7 seaports for Russian traders, in 1861 the first Russian diplomatic representative was appointed to China. Isolationism that China adhered to was left behind to promote full-scale diplomatic relations. Russian consulates were the first diplomatic missions in the Qing China and played a big role in the development of the Russian-Chinese relations.

Key words: Russian-Chinese relations, Russian Ministry of Foreign Affairs, consular service, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Beijing.

References

1. Antonov N. K istorii zaklyucheniya russko-kitayskogo dogovora 1851 g. v Kuldzhe [To the history of the conclusion of the Russian-Chinese treaty of 1851 in Kuldja]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv falsifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents are refuted. Against the falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow, Mysl Publ., 1982. Pp. 148-165. (In Russian).
2. Bugrova M.S. «Otkrytie» Kitaya i britanskaya «neofitsialnaya» diplomatiya vo vtoroy polovine XIX veka [“Discovery” of China and British “unofficial” diplomacy in the second half of the XIX century]. *V Pyat vekov mirovoy istorii [Five Centuries of World History]. Issue. 1*. St. Petersburg, Gelikon Plyus Publ., 2007. Pp. 65–72. (In Russian).
3. Gorbacheva K.A. Rossiyskaya pravoslavnyaya dukhovnaya missiya v Kitae v 1820–1930-e gody [Russian Orthodox spiritual mission in China in the 1820s–1930s]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2017, no. 1, pp. 147–161. (In Russian).
4. Gurevich B.P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentralnoy Azii v XVII–pervoy polovine XIX v* [International relations in Central Asia in the XVII–first half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 311 p. (In Russian).
5. Martens F.F. *Rossiya i Kitay* [Russia and China]. St. Petersburg, tipografiya I. Gabrmana, 1881. 50 p. (In Russian).
6. Kudryavtseva Ye.P., Ponomarev V.N. Diplomatiya i MID Rossii vo vtoroy chetverti XIX v. [Diplomacy and the Ministry of Foreign Affairs of Russia in the second quarter of the XIX century]. *Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii* [Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. T. I. Moscow, OLMA-Press Publ., 2002. Pp. 290–351. (In Russian).
7. Myasnikov V.S. Istoriko-kulturnye osobennosti ekonomicheskogo vzaimodeystviya Rossii s Kitaem [Historical and cultural features of economic interaction between Russia and China]. *Rossiya vo vneshneekonomicheskikh otnosheniyakh: uroki istorii i sovremennost* [Russia in foreign economic relations: lessons of history and modernity]. Moscow, INION RAN Publ., 1993. Pp. 106–107. (In Russian).
8. Myasnikov V.S., Popova I.F. Vklad o. Iakinfy v mirovuyu sinologiyu [Contribution of Iakinfy in world sinology]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2002, no. 12, pp. 1099–1105. (In Russian).
9. Myasnikov V.S. Mezhdunarodnyye otnosheniya Rossii s Kitaem kak forma mezhtsilizatsionnogo kontakta [Interstate relations of Russia with China as a form of intercivilizational contact]. *Tsilizatsiya i kultura* [Civilization and culture]. Vyp. 2. Rossiya i Vostok: tsivilizatsionnye otnosheniya [Issue. 2. Russia and the East: Civilizational Relations]. Moscow, Institut vostokovedeniya AN RF Publ., 1995. Pp. 215–233. (In Russian).
10. Peskova G.N., Glushakova O.A. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. *Pravoslavie i rossiyskoe gosudarstvo X–XX veka. Katalog istoriko-do-*

- kumentalnoy vystavki* [Orthodoxy and the Russian state of the X-XX century. Catalog of the historical and documentary exhibition]. Moscow, Pinakoteka Publ., 2000. Pp. 55-57. (In Russian).
11. *Russko-kitayskie otnosheniya. 1689–1916. Ofitsialnye dokumenty* [Russian-Chinese relations. 1689-1916. Official documents]. Moscow, Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ., 1958. 142 p. (In Russian).
 12. Sladkovskiy M.I. Otnosheniya mezhdou Rossiei i Kitaem v seredine XIX v. [Relations between Russia and China in the middle of the XIX century]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1975, no. 3, pp. 55–64. (In Russian).
 13. Khokhlov A.N. Kyakhtinskaya trgovlya i ee mesto v politike Rossii i Kitaya (20-e gody XVIII–50-e gody XIX v.) [Kyakhta trade and its place in the politics of Russia and China (20's 18th-50th years of the XIX century)]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv falsifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents are refuted. Against the falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow, Mysl Publ., 1982. Pp. 99-148. (In Russian).

About the author:

Elena P. Koudryavtseva – Doctor of Historical Sciences, leading research worker in department «Russia in international relations» in the Institute of Russian History of The Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianova, 19.
E-mail: demetr22@mail.ru.